

ЛитРес:

ДЕТЕКТИВ

Дело Зили-султана

Тайный дневник Михаила Булгакова

Камень погибели

Приключения бодхисаттвы

Продолжение следует...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОДХИСАТТВЫ

ЛитРес:

МОСКВА

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
А69

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения владельца авторских прав.
Исключительные права принадлежат ИП Воробьев В.А.

Оформление — Д. Исаев

АНОНИМУС.

А69 Приключения бодхисаттвы: [роман] / АНОНИМУС. —
Москва: ЛитРес : Издательство АСТ, ИД СОЮЗ,
2022. — 320 с.

ISBN 978-5-6046712-0-7 (ИД Союз)

ISBN 978-5-17-151860-8 (ООО Издательство АСТ)

Наши дни. У крупного предпринимателя Анисима Московки-на сгорает квартира. Пострадавший считает, что квартиру подожгли из хулиганских побуждений: из нее ничего не пропало, но в нее подбросили сделанный из фарфора кукиш. Расследование продвигается тяжело. Быть может, следователю Волину поможет новая порция расшифрованных дневников Нестора Загорского, в которых фигурирует дом на Сретенском бульваре, где сейчас живет Московкин?

...Очередной мемуар Нестора Васильевича рассказывает, что после того, как карлик Цзяньян-гоче плюнул в Загорского отравленной стрелой, знаменитый сыщик погиб. Однако при помощи магии тибетские ламы-заклинатели ухитряются вернуть душу в тело Загорского. Нестор Васильевич жив, но не осознает себя и не двигается. Верный Ганцзалин возвращается с господином в Россию и находит в Самаре китайского целителя, который возвращает сыщика к нормальной жизни. Но порадоваться этому обстоятельству Загорский не успевает...

ISBN 978-5-6046712-0-7 (ИД СОЮЗ)

ISBN 978-5-17-151860-8 (ООО Издательство АСТ)

© АНОНИМУС. Текст, 2022

© Исаев Д.А. Оформление, 2022

© ИД СОЮЗ, 2022

© ИП Воробьев В.А., 2022

© ООО «ЛитРес», 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН

Бывший дом страхового общества «Россия» возвышался над окрестностями Сретенского бульвара, как огромный корабль, коварной судьбой загнанный в тесный для него док, возвышается над более мелкими судами, стоящими по соседству. Для полного сходства с кораблем дому не хватало только русалки на бушприте — впрочем, ее успешно заменяли огромные серые часы, недвусмысленно напоминавшие суетному обывателю, что жизнь его обывательская коротка и лишь искусство — вечно.

Старший следователь СК¹ Орест Волин задумчиво скользнул по корабельному фасаду взглядом, огляделся по сторонам. Что-то вокруг было не так, что-то смущало его наметанный следовательский глаз... Ну да, вот же он, источник смущения! В огромной клумбе напротив дома цвели невыносимо прекрасные багряные маки.

¹ СК — Следственный комитет Российской Федерации.

«Маки посреди Москвы — это сильно, — подумал Волин. — Кто, интересно, заведует тут у них озеленением? Они бы еще коноплю высадили для полного восторга».

Мысль была, прямо скажем, фривольная, но, как ни странно, очень естественная. Дело в том, что Орест Витальевич Волин службу свою начинал как борец с наркотиками, и с той поры взгляд его приобрел особенный, недоступный простому горожанину, прицел. Некоторые вещи он видел как бы крупнее, чем они казались остальным, и прозревал в них иное, одиозное предназначение. С этой точки зрения даже обычный клей «Момент» смотрелся весьма подозрительно... Впрочем, что об этом говорить: борьба с подозрительными веществами давно ушла в прошлое, сменившись борьбой с подозрительными гражданами. Борьба же с последними не прекращалась ни на миг, хотя приобретала иной раз неожиданные черты. Как, например, это случилось сегодня.

— Кислое дело, пещера Лейхтвейса, — сразу предупредил его полковник Щербаков. — Нарисовался тут на горизонте один влиятельный бизнесмен по имени Анисим Московкин. Живет по адресу Сретенский бульвар, дом шесть дробь один.

— Хороший адрес, — заметил Волин. — И квартира, наверное, хорошая.

— Хорошая, — кивнул полковник. — Точнее, была хорошая. Потому что вчера она сгорела. При этом сам хозяин считает, что сгорела квартира не просто так, а в результате поджога.

— А что пожарные говорят? — спросил Волин. — Все ж таки их епархия, хорошо бы узнать мнение профессионалов.

— Пожарные говорят: короткое замыкание, — отвечал полковник. — Но Московкин, судя по всему, параноик. Люди с деньгами, понимаешь ли, всюду видят заговоры и покушения на их драгоценную жизнь и еще более драгоценное имущество.

Волин вкрадчиво осведомился, неужели же Следственный комитет пойдет на поводу у параноика и будет искать поджог там, где было явное замыкание?

— Следственный комитет не пойдет, а ты пойдешь, — кратко ответил Щербаков. — Московкин — человек влиятельный, может поднять вонь до небес. Так что будь с ним поделикатнее, а не как обычно. Тем более что у него, как он говорит, есть доказательство поджога...

* * *

Волин заинтересовался: какое-такое доказательство?

— Какое доказательство? — переспросил Московкин, исподлобья глядя на следователя. Взгляд у бизнесмена был не в меру концентрированный, какой бывает у людей, целенаправленно занимающихся развитием воли. — Доказательство самое прямое. Вот, полюбуйте.

И он выставил перед собеседником большой фарфоровый кукиш. То есть это буквально была фига, только сработанная из фарфора.

— Вот этот предмет, — продолжал Московкин, — я нашел в спальне, где мы сейчас с вами и сидим. Кстати сказать, только спальню и не тронуло пожаром — успели затушить.

Волин бросил быстрый взгляд по сторонам: затушить-то успели, но комната все равно пострадала. Дорогие с золотом обои и потолок закопчены, кровать, диваны и кресла попорчены водой. А уж про остальные помещения и говорить нечего, огонь там поураганил не хуже, чем бывшие комсомольцы в лихие девяностые. Волин поначалу думал, что с Московкиным они встретятся не на пепелище, а где-нибудь в ресторане. Однако тот, видимо, решил, что следовательно — что-то вроде пожарного инспектора и будет осматривать все произведенные разрушения. Так что сидели они отнюдь не в ресторане, а в не до конца сгоревшей спальне.

— Нет, я не спорю, — говорил между тем Московкин, — когда что-нибудь уносят, а потом поджигают — это дело обычное. Но когда, наоборот, приносят и потом поджигают, это уж, извините, верный знак...

Чего именно это верный знак, бизнесмен не договорил, да Волин и не очень слушал его разговоры. Следовательно с любопытством осматривал бело-синий, под гжель, кукиш.

— Оригинально, — сказал он, — очень оригинально.

— Ничего тут оригинального нет, — с раздражением заметил Московкин, — страшно топорная работа.

— А вы что же, Анисим Иванович, разбираетесь в фарфоре? — заинтересовался следователь.

— Да тут и разбираться не надо, сляпано кое-как, — проворчал бизнесмен. — Другой вопрос, для чего сляпано и кем подкинута. Это же явный троллинг, вы же понимаете?!

— Именно, именно. Троллинг, провокация и вообще хулиганство, — согласился Волин, а про себя подумал, что троллинг этот самому Московкину обошелся крайне недешево.

Но Анисим Иванович его не слушал. Его лицо с жесткими чертами миллионера горело огнем праведного гнева. Ничтоже сумняшеся он заявил, что троллей этих, кем бы они ни были, надо непременно поймать и наказать по всей строгости закона.

— Поймаем и накажем, — успокоил его следователь, — и всенепременно притом. А ответьте-ка, Анисим Иванович, честно и откровенно: кому вы могли перебежать дорогу?

Московкин поглядел на него с изумлением.

— Шутите? — сказал. — Я бизнесмен, я кому угодно мог дорогу перебежать и сам бы об этом не догадался.

Волин покивал, это-то как раз понятно. Но среди тех, о ком можно догадаться, кого бы он выделил особо?

Анисим Иванович неожиданно посмурнел, поскучнел и отвечал в том смысле, что человек он законопослушный, бизнес ведет по правилам, явных врагов у него нет и никого конкретно подозревать он не может. А впрочем, и не должен, потому что

вести расследование и ловить преступников — дело не потерпевшего, а наших доблестных органов.

Некоторое время доблестные органы в лице старшего следователя Волина мягко пытались разговаривать бизнесмена, однако тот был явно не настроен откровенничать. Волин даже намекнул, что ведь поджигатели сами не угомонятся и в другой раз могут сжечь квартиру уже вместе с хозяином, но Московкин на эти рассуждения не повелся и разговорчивей не сделался.

Пока они беседовали, Волин выглянул в окно спальни и снова увидел клумбу — ту самую, с маками.

— Красивые маки, — сказал он. — Не знаете, кто у вас тут благоустройством занимается?

— Какие маки? — удивился Московкин.

— А вот, на клумбе.

И следователь кивнул в сторону окна. Бизнесмен подошел и в некотором изумлении уставился на цветы.

— Да, странно, — сказал он. — Только что росли петунии — и вдруг какие-то маки.

Сказав так, он внезапно побледнел. При этом зрачки его, как почудилось Волину, расширились от ужаса.

— Что? — живо спросил следователь. — Что-то вспомнили?

Анисим Иванович покачал головой: нет-нет, ничего не вспомнил, так, сердце немного прихватило. Он просит прощения, но сегодня говорить уже не

может, устал, лучше бы созвониться позже — как на это смотрит Орест Витальевич?

— Позже так позже, — вздохнул Волин, — как вам будет угодно. А дулю эту фарфоровую я, с вашего позволения, заберу как вещественное доказательство.

И он откланялся, договорившись созвониться с Московкиным завтра.

Обратный путь его тоже лежал мимо клумбы. Орест Витальевич невольно замедлил шаг и даже остановился, разглядывая цветы. Интуиция подсказывала ему, что тут явно что-то не то. Кто и почему высадил маки вместо петуний? Ну, предположим, садовник-гастарбайтер ошибся семенами... Хотя нет, какие там семена! Маки, судя по всему, высаживали уже не семенами, а рассадой. Значит, ошибки быть не могло: хотели высадить маки — и высадили именно их. Но самое интересное не в этом. Самое интересное в том, почему маки так напугали Московкина...

— Красиво растут, — раздался прямо над его ухом чей-то голос.

Следователь повернул голову. Голос был с легким акцентом, так что Волин почти не удивился, увидев справа от себя улыбчивого китайца. Удивился он, поняв, что китаец выше его на полголовы. Какие нынче китайцы пошли рослые, кто бы мог подумать!

— Питание, — объяснил неожиданный собеседник. — Как только стали нормально есть, тут же и выросли. И никакая генетика ничего здесь поделать не может. У китайской молодежи метр восемьдесят пять — сейчас вполне обычный рост.

— Рад за китайскую молодежь, — буркнул Волин, совершенно не настроенный вести страноведческие беседы.

Однако незнакомец, похоже, как раз не прочь был поболтать.

— Вот вам, иностранцам, маки, конечно, кажутся красивыми, — продолжал он. — А для нас маки — это символ порабощения, символ уничтожения китайской нации. Когда в девятнадцатом веке Британия стала ввозить в Китай опиум, наркомания охватила десятки, если не сотни миллионов китайцев. Наши власти пытались запретить ввоз проклятого дурмана, но это было не в интересах захватчиков. Англичане начали против нас войну, которая так и называлась — «опиумной».

— Интересно, — Волин наострил уши, — очень интересно.

Китаец кивнул — еще бы не интересно — и продолжал:

— Первую опиумную войну мы, конечно, проиграли. Потом была вторая — проиграли мы и ее. И хотя сейчас Китай свободен и самостоятелен, но маки для нас по-прежнему — символ уничтожения и угрозы. Это знает всякий, кто имел дело с китайцами.

— Ах, вот оно что, — следователь наконец посмотрел прямо на собеседника. — Простите, как вас зовут?

— Зовите меня Димой, — отвечал тот. — Мы, китайцы, на чужбине обычно берем местные имена.

— Очень приятно, — сказал Волин. — А меня зовут Орест Витальевич.

— Я знаю, — сказал Дима.

Он почему-то больше не улыбался, не улыбался и Волин.

— Я правильно понимаю, что у вас ко мне разговор?

— Вы правильно понимаете, — Дима говорил по-русски очень хорошо, но некоторые звуки, очевидно, давались ему с трудом — например, звук «р». Поэтому слово «правильно» в его исполнении звучало как «прлавильно». Однако это его не смущало, и он продолжил: — Но говорить мы будем не здесь. Я за рулем, а тут неподалеку есть китайский ресторан. Как вы смотрите на то, чтобы там пообедать?

Волин смотрел на это положительно, и уже через двадцать минут они листали меню, сидя в небольшом подвальном помещении.

— Кухня тут аутентичная? — полюбопытствовал Орест Витальевич.

— Как говорят у вас в России, кому и кобыла — аутентичная невеста. — Дима иронически оглядел стены заведения, расписанные иероглифами, улыбнулся и добавил: — Впрочем, я шучу. Ресторан аутентичен настолько, насколько аутентичным может быть китайское заведение в русской Москве. Некоторые уступки местному вкусу все равно делаются, но в целом очень даже ничего. Кстати сказать, знаете, как определить аутентичность ресторана по его внешнему виду?

Волин, разумеется, не знал. Может быть, по красным фонарикам у входа?

Дима засмеялся: фонарики, конечно, это чисто китайская слабость, но фонарики вполне может вывесить и русский хозяин. Нет-нет, все гораздо проще. Только китайский хозяин способен устроить ресторан в помещении без окон. Для европейца это дико, поскольку отсутствие окон ассоциируется у него с мышеловкой. У китайца же наоборот — замкнутость пространства ассоциируется с покоем и уютом. Во всяком случае, каждый проходящий мимо не будет пялиться на тебя через окно, от чего современные китайцы очень устают.

— Да, — сказал Волин, оглядываясь, — здесь окнами и не пахнет.

Дима поинтересовался, нет ли у него кулинарных и религиозных предрассудков. Узнав, что нет, заказал нарезку из ароматной говядины, черные яйца сунхуадань, битые огурцы, курицу гунбао, свинину юйсян, баранину с тмином, карпа ганьшао и тигровые креветки в устричном соусе.

— Восемь блюд, — сказал он, потирая руки, и засмеялся. — Счастливое число у китайцев. Я взял, с одной стороны, блюда известные, с другой — не слишком специфические, чтобы не подвергать ваш вкус испытаниям.

Когда одно за одним стали приносить блюда, Волин поднял брови: такого количества еды мы не осилим.

— Не страшно, — отвечал Дима, — что не съедим, возьмем с собой. Есть такое китайское слово — «дабао», то есть «завернуть». Применительно к ресто-

рану оно значит то же самое, что английское «догги бэг», только звучит красивее.

— За несколько минут разговора с вами можно узнать о Китае больше, чем за целый курс в университете, — заметил Волин, осторожно пробуя ароматную говядину.

Собеседник покивал и сказал, что это очень удобно: все равно ведь, сказал, вам придется учиться китайской культуре. Волин удивился — почему это ему надо учиться китайской культуре? Не лично ему, поправился Дима, но им, то есть всем иностранцам. Этого следователь тоже не понял: с какой стати все иностранцы непременно должны изучать многовековую культуру Китая?

Ответ на это оказался очень простым. Китаю, по мнению Димы, принадлежало будущее. Именно ему, а не исламским странам, как думают многие на Западе. Пять тысяч лет истории научили китайцев двигаться вперед неуклонно и непобедимо, а это значит, что никто их не остановит. В конце концов, в выигрыше окажутся именно те, кто будет знать китайскую культуру и китайский язык...

— Понятно, — сказал Волин. И, подумав, добавил: — Вкусное мясо.

— Вкусное, — согласился китаец. — Хотя мне больше нравится тот же рецепт, но с ослиатиной. В Китае ходит поговорка: драконье мясо — на небесах, ослиное — на земле.

Принесли карпа. Выглядел он, прямо скажем, пестро и экзотически. Однако, по словам Димы, вкус